

АКСЕССУАРЫ В ПРОЗЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО: ЗОНТИК

К. В. Гарнова

Смоленский государственный университет

Поступила в редакцию 19 сентября 2016 г.

Аннотация: в статье представлены результаты анализа одной из значимых составляющих гардероба действующих лиц романов Ф. М. Достоевского – зонта. В ходе анализа установлено, что в тексте романов наряду с традиционным значением этот предмет обретает ряд авторских коннотаций, выступая опознавательным знаком социальной функции персонажа, способом реализации как внутри- и межтекстовых связей, так и связи разных уровней повествования.

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский; «пятикнижие»; гардероб; аксессуар; зонтик; значение; функции.

Abstract: the author of the article analyzes one of the most important accessories in the novels "Crime and punishment" and "Demons" – an umbrella. During the research it is found that this item gets the number of original connotations in the texts, it is also used as a distinguishing mark of the social function of the character, the way to reveal intra- and intertextual relations, and communications at various levels of the narration.

Keywords: F. M. Dostoevsky; «pentateuch»; wardrobe; accessories; umbrella; value; function.

Бытовые подробности в художественных произведениях, как правило, мало привлекают учёных-филологов. Мы же придерживаемся точки зрения Д. С. Лихачёва, утверждавшего, что без «реалий быта» художественное произведение «не может быть правильно воспринято» [1, 3]. Такой подход к изучению текста предусматривает анализ узкой предметной области: «конкретное литературоведение <...> приучает к медленному чтению, к углубленному пониманию произведений в реальной обстановке и к реальному пониманию стиля» [1, 7–8].

Мы занимаемся исследованием конкретного художественного образа – гардероба¹, поскольку как в жизни, так и в произведениях искусства костюм в значительной степени выражает «эстетический идеал эпохи» [2, 4].

В исследовательской литературе одежде действующих лиц приписываются определённые функции: указание на время действия, эпоху; элемент бытописания; составляющая портрета действующего лица; способ выражения авторского замысла; средство организации смысловых пластов [3, 4; 4, 5; 5, 2; 6, 7].

Что касается портретных описаний в поэтике Ф. М. Достоевского, оценки существенно разнятся: от утверждения, что внешность действующих лиц вообще мало занимала писателя (Д. С. Мережковский [7, 144], Вяч. Иванов [8, 417], В. В. Набоков [9, 178], А. П. Чудаков [10, 102–103]) до указания особенной роли «гардеробных» описаний в его произведениях (Л. П. Гроссман [11, 125], С. В. Белов [12, 31]).

¹ Под гардеробом мы понимаем совокупность всех видов одеяния: верхняя одежда, платье, аксессуары, головные уборы, обувь.

Цель нашего исследования – выявить, описать и систематизировать значения и функции одежды действующих лиц в прозе Достоевского. Материалом исследования послужили романы «великого пятикнижия».

В этой статье представлены наблюдения и выводы, полученные в ходе анализа одного из распространённых в художественном мире Достоевского аксессуара – зонта².

Слово «зонт» в пятикнижии встречается 29 раз: в «Преступлении и наказании» – 4 раза, в «Бесах» – 22, в «Подростке» – 2, в «Братьях Карамазовых» – 1; в «Идиоте» этот предмет не упоминается.

Рассмотрим, какие значения и функции зонтика реализуются в текстах Ф. М. Достоевского.

1. Зонт как «**транслятор**» **норм «костюмного» этикета**. Встретив в парке на своём пути обезбещенную девушку, Раскольников оценивает её внешний вид: «Ему вдруг захотелось понять, что именно в этой женщине такого странного? Во-первых, она, должно быть, девушка очень молоденькая, шла по такому зною простоволосая, без зонтика и без перчаток...» [14, 40]. В середине XIX века для выхода на улицу девушке следовало придерживаться определённых правил: непременным атрибутом являлся зонтик, который в туалете женщины занимал особое место, так как «загорелое лицо и руки считались дурным тоном. Аристократки не хотели походить на простолюдинок, занимавшихся физическим трудом» [15, 140].

Отсутствие в данном случае определённых не-

² Зонтик – «упругий матерчатый купол на длинной ручке, натягивающийся на спицах и раскрывающийся над головой для защиты от дождя или солнца» [13, 233].

обходимых элементов гардероба подчёркивает «ненормальность» ситуации, то есть упоминание об отсутствующих деталях маркирует этот образ на фоне других (не только автор, но и герой выделяет девочку среди остальных прохожих).

2. Зонт как **средство создания коммуникативного барьера**. «Ракитин, особенно в последнее время, не любил встречаться с Алёшей, почти не говорил с ним, даже и раскланивался с натугой. Завидев теперь входящего Алёшу, он особенно нахмурил брови и отвёл глаза в сторону, как бы весь занятый застёгиванием своего большого тёплого с меховым воротником пальто. Потом тотчас же принялся искать свой зонт» [16, 127]. В контексте приводится ряд примет, указывающих на нежелание Ракитина («Братья Карамазовы») контактировать с Карамазовым: отсутствие вербального общения при встрече и необходимых жестов приветствия, отсутствие зрительного контакта; завершает ряд напускная занятость, проявляющаяся в застёгивании пальто и поиске зонтика.

3. Зонт как **средство создания образа-маски**. Покинув дом благодетельницы Ставрогиной, Степан Трофимович («Бесы») предстаёт в новом костюме: «Одет был “по-дорожному”, то есть шинель в рукава, а подпоясан широким кожаным лакированным поясом с пряжкой, при этом высокие, новые сапоги и панталоны в голенищах». По словам автора, Верховенский-старший именно так «соображал себе дорожного человека, а пояс и высокие сапоги с блестящими гусарскими голенищами, в которых он не умел ходить, припас ещё несколько дней назад». Дополняли облик Степана Трофимовича умело подобранные аксессуары: «Шляпа с широкими полями, гарусный шарф, плотно обматывавший шею, палка в правой руке, а в левой чрезвычайно маленький, но чрезмерно туго набитый саквояж довершали костюм. Вдобавок, в той же правой руке распущенный зонт» [17, 411]. Однако сквозь сооружённую оболочку, маску романтического странника, пробивается ценитель комфорта и уюта, для которого такой вояж оказывается проблематичным, что и обнаруживают упомянутые аксессуары: «Эти три предмета – зонт, палку и саквояж, было очень неловко нести всю первую версту, а со второй и тяжело» [17, 411].

Разобщённость внутренней и внешней составляющей образа Степана Трофимовича обнажает автор-повествователь, который по-своему обосновывает довольно странный способ путешествия Верховенского: «Мне казалось, что мысль о подорожной и лошадях (хотя бы и с колокольчиком) должна была представляться ему слишком простою и прозаичною; напротив, пилигримство, хотя бы и с зонтиком, гораздо более красивым и мстительно-любовным» [17, 480].

4. Зонт как **атрибут власть имеющего**. «Будь только у меня могущество, рассуждал я, мне и не по-

надобится оно вовсе; уверяю, что сам, по своей воле, займу везде последнее место. Будь я Ротшильд, я бы ходил в стареньком пальто и с зонтиком» [18, 74], – замечал Аркадий Долгорукий («Подросток»). Если наличие «старенького пальто» у Ротшильда объясняется далее в контексте романа³, то причина присутствия зонтика становится ясной только при обращении к культурологическим сведениям.

В католичестве зонт с давних времён имел значение регалии власти и выполнял коммуникативную функцию: подданный мог общаться с государем в интимной обстановке на виду у всех [19, 116]. Позже такая традиция переносится и на русскую почву: «“зонтики” несут над головами двух высших обладателей власти – светской и церковной» [19, 141]. В истории культуры зонт имеет то же значение – это «свод Небес, земная и небесная власть» [20, 115].

Поэтому наличие в представлении подростка рассматриваемого аксессуара у Ротшильда трактуется в данном контексте как обладание атрибутом власти.

Мы рассмотрели основные значения, в которых выступает зонт в текстах Достоевского; но в романах есть эпизоды, где интересующий нас аксессуар обладает **семантической многослойностью**.

Самым функционально и семантически насыщенным является зонт Николая Ставрогина. На уровне фабулы представлена история дворянина, который сотрясает умы окружающих: его называют «звездой», «принцем», «Иваном-Царевичем», «талисманом», «предводителем», «солнцем». Вокруг него формируется группа «шутов», основным из которых является Пётр Степанович Верховенский⁴.

Два персонажа, неразрывно связанные с женихом-Ставрогиным и невестой-Лебядкиной, – капитан Лебядкин и Федька-каторжный. Зонтик подлежит рассмотрению в связи с этими действующими лицами.

Упоминается аксессуар в эпизоде похода героя к Лебядкиной. С бытовой точки зрения основное значение и, следовательно, функция зонтика в данном случае – утилитарное: Николай Всеволодович применяет специальное устройство для защиты от дождя. Добавочные значение и функции же проявляются при более близком рассмотрении следующего фрагмента.

³ Старое пальто является отражением идеологии подростка, согласно которой накопление денег возможно лишь при ущемлении всех потребностей, в том числе и в одежде: «Несколько лет назад я прочёл в газетах, что на Волге, на одном из пароходов, умер один нищий, ходивший в отрепье, просивший милостыню, всем там известный. У него, по смерти его, нашли зашитыми в его рубище до трёх тысяч кредитными билетами» [П, 66–67], – рассуждал Аркадий.

⁴ В тексте романа Ставрогин называет его своим шутком 4 раза.

Ставрогин, направляясь ночью в непогоду к семейству Лебядкиных, по пути встречает Федьку-каторжного: «Не позволите ли, милостивый господин, зонтиком вашим заодно позаимствоваться?»

В самом деле, какая-то фигура пролезла, или хотела показать только вид, что пролезла, под его зонтик. Бродяга шёл с ним рядом, почти «чувствуя его локтем», – как выражаются солдатики» [17, 204]. На фабульном уровне описана ситуация сговора заказчика и убийцы, которые, прижавшись друг к другу под зонтиком, им объединяются (отметим коммуникативную функцию).

Далее герой приходит в назначенное место, где его поджидает капитан Лебядкин: «– Это дело; стойте на крыльце. Возьмите зонтик.

– Зонтик ваш... стоит ли для меня-с? – пересластил капитан.

– Зонтика всякий стоит.

– Разом определяете *minimum* прав человеческих...

<...> И, однако же, почти тотчас же, как [Лебядкин] вышел на крыльцо и распустил над собой зонтик, стала наклёвываться в легкомысленной и плутоватой голове его опять всегдашняя успокоительная мысль, что с ним хитрят и ему лгут, а коли так, то не ему бояться, а его бояться» [17, 213]. В данном случае помимо утилитарного значения зонтик приобретает добавочное: регалия власти.

Принимая во внимание многовековую историю семантики зонта и заданную в тексте романа иерархию действующих лиц, можно утверждать, что в «Бесах» происходит карнавальное действие: развенчание короля. Увенчанный король изначально обречён на развенчание: он должен умереть, чтобы воскреснуть: «Царь есть жених и Бог. Он царствует год, а затем умерщвляется или изгоняется <...>; побеждённый смертью, он из царя становится рабом <...>; но это убийство или изгнание благодетельны потому, что <...> он проходит фазу смерти, преодолевает её и снова входит в жизнь царём» [21, 81]. Переход зонта от Ставрогина к Лебядкину знаменует обмен сущностями: король и раб (шут) меняются местами.

Для развенчания необходимо наличие определённых карнавальных категорий: 1) вольный фамильярный контакт; 2) карнавальные мезальянсы (сближение раба и короля); 3) профанация [22, 335]. Все эти категории присутствуют в привлекаемых к анализу эпизодах: попытку Федьки «втиснуться» под зонт Ставрогина можно расценивать как проявление фамильярности; иерархия «царь-Ставрогин и его шуты» – воплощение мезальянсов (сближение того, что раньше было разобщено). Искажение социального статуса Ставрогина⁵ как короля выражает зонтик.

⁵ Ставрогин становится мнимым королём: управляет всем революционным сообществом Пётр Верховенский.

Как показали приведённые примеры, в романах Ф. М. Достоевского внешний вид зонтика зачастую не описывается: автор ограничивается указаниями «свернул» (Николай Ставрогин), «распустил» (Степан Верховенский из романа «Бесы»), «слегка ударила» (Лиза из романа «Подросток»), «принялся искать» (Ракитин из «Братьев Карамазовых»). Из всех романов пятикнижия только в «Преступлении и наказании» появляется цветовой параметр и синонимичный галлицизм «омбрелька».

После посещения полицейской конторы на мосту Раскольников ударили кнутом, после чего купчиха с дочерью подают ему двугривенный: «Но в ту минуту, как он стоял у перил и всё ещё бессмысленно и злобно смотрел вслед удалявшейся коляске, потирая спину, вдруг он почувствовал, что кто-то суёт ему в руки деньги. Он посмотрел: пожилая купчиха <...> и с нею девушка, в шляпке и с зелёным зонтиком, вероятно дочь» [14, 89]. Зонт девушки, с одной стороны, имеет функцию этическую, с другой стороны, – существенным значением обладает упоминание православного собора в следующем предложении: «Он зажал двугривенный в руку, прошёл шагов десять и оборотился лицом к Неве, по направлению дворца. <...> Купол собора, который ни с какой точки не обрисовывается лучше, как смотря на него отсюда, с моста <...>, так и сиял...» [14, 89–90]. В православии зелёный цвет – это цвет вечной жизни, символизирующей победу жизни над смертью [20, 359]. В свете сказанного, появление зелёного зонтика в контексте ситуации с Раскольниковым можно истолковать как указание на возможность прощения, высшую милость. Но герой не приемлет милосердия: «Он разжал руку, пристально поглядел на монетку, размахнулся и бросил её в воду; затем повернулся и пошёл домой. Ему показалось, что он как будто ножницами отрезал себя сам от всех и всего в эту минуту» [14, 90].

Рассмотрим второй маркированный пример. Впервые Раскольников увидел Соню после трагического происшествия с Мармеладовым, который был раздавлен на улице коляской: «Соня остановилась в сенях у самого порога, <...> забыв и о своём <...> неприличном здесь, цветном платье, <...> и об омбрельке, ненужной ночью, но которую она взяла с собой...» [14, 143]. На следующий день Соня посещает Родиона Романовича, но совершенно в другом облачении: «Раскольников не узнал её с первого взгляда. <...> только в руках был, по-вчерашнему, зонтик» [14, 181]. Автор обрисовывает два гардероба Сони – «рабочий» и повседневный; но один аксессуар присутствует в двух описаниях – зонтик. Когда речь идёт о том, как выглядит Соня в «нормальной» жизни, писатель использует привычное название «зонтик». Но изображая внешний облик Сони-проститутки, Достоевский употребляет галлицизм «омбрелька». Смена наименования кардинально меняет

контекстуальную семантику самого предмета: зонтик – принадлежность приличной девушки, «легкомысленная» зонтик – элемент гардероба падшей женщины.

Таким образом, зонтик в романах Достоевского имеет следующие значения:

А) часть портрета действующего лица (гардеробный этикет XIX века); б) обозначение социального статуса (атрибут предводителя, зонтик как метка проститутки); в) маркер сюжетного мотива (панибратство Федьки выражено его попыткой залезть под зонтик; провал коммуникации между Ракитиным и Алёшей Карамазовым).

В пятикнижии зонтик выполняет различные функции: 1) традиционные: этическая (по правилам этикета все приличные женщины в XIX веке при выходе из дома должны были взять зонтик); утилитарная функция (защита от дождя / солнца); характеристика личности (зонтик предводителя); зонтик как средство коммуникации; 2) авторские: дифференцирующая (вещь как опознавательный знак: зонтик приличной девушки и зонтик проститутки); организующая внутри- и межтекстовые связи (объединение действующих лиц в схожих ситуациях); средство связи смысловых пластов (повествовательный – идейный).

ЛИТЕРАТУРА

1. Лихачёв Д. С. Литература – Реальность – Литература / Д. С. Лихачев. – Л. : Современный писатель. Ленинградское отделение, 1981. – 214 с.
2. Киреева Е. В. История костюма. Европейские костюмы от античности до XX века / Е. В. Киреева. – М. : Просвещение, 1970. – 165 с.
3. Абрамова Е. И. Костюм как полифункциональная деталь в исторической прозе XX века: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Екатерина Игоревна Абрамова. – Тверь, 2006. – 19 с.
4. Давыденко Л. А. Костюм в художественном мире Н.В. Гоголя: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Лариса Александровна Давыденко. – Саратов, 2008. – 22 с.
5. Мякина Е. С. Вещный мир в творчестве Н.В. Гоголя (на материале «Вечеров на хуторе близ Диканьки», «Миргорода» и «Петербургских повестей»): автореф. дис. ... канд. филол. наук / Елена Сергеевна Мякина. – М., 2006. – 17 с.
6. Попова Ю. С. «Язык одежды» в творчестве И.А. Бунина: характерологические и сюжетобразующие функции: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Юлия Сергеевна Попова. – Воронеж, 2012. – 22 с.
7. Мережковский Д.С. Толстой и Достоевский / Д.С. Мережковский. – М.: Наука, 2000. – 588 с.
8. Иванов Вяч. Достоевский и роман-трагедия / Вяч. Иванов // Собрание сочинений: в 4 томах. – Т. 4. – Брюссель, 1987. – 800 с.
9. Набоков В. М. Лекции по русской литературе / В.М. Набоков. – М. : Независимая газета, 1999. – 440 с.
10. Чудаков А. П. Предметный мир Достоевского / А. П. Чудаков // Достоевский. Материалы и исследования. – Т. 4. – Л.: Наука, 1980. – 283 с.
11. Гроссман Л. П. Живопись Достоевского / Л. П. Гроссман // Поэтика Достоевского. – М.: Государственная академия художественных наук, 1925. – 188 с.
12. Белов С. В. Роман Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание»: комментарий / С. В. Белов. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. – 240 с.
13. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – М. : ООО «А ТЕМП», 2006. – 944 с.
14. Достоевский Ф. М. Преступление и наказание / Ф. М. Достоевский // Полное собрание сочинений: в 30 томах. – Л. : Наука, 1972–1990. – Т. 6. Преступление и наказание. – 1973. – 424 с.
15. Алешина Т. С. Городской костюм в России XVIII – начала XX века / Т. С. Алешина // Ефимова Л. В., Алешина Т. С., Самонин С. Ю. Костюм в России XV – начала XX века. Из собрания Государственного исторического музея. – М. : АРТ-РОДНИК, 2000. – 231 с.
16. Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы / Ф. М. Достоевский // Полное собрание сочинений: в 30 томах. – Л. : Наука, 1972–1990. – Т. 15. Братья Карамазовы: книги XI–XII. Эпilog. – 1976. – 624 с.
17. Достоевский Ф. М. Бесы / Ф. М. Достоевский // Полное собрание сочинений: в 30 томах. – Л. : Наука, 1972–1990. – Т. 10. Бесы. – 1974. – 520 с.
18. Достоевский Ф. М. Подросток / Ф. М. Достоевский // Полное собрание сочинений: в 30 томах. – Л. : Наука, 1972–1990. – Т. 13. Подросток. – 1975. – 456 с.
19. Бойцов М. А. Папский зонтик, Бог Гелиос и судьбы России / М. А. Бойцов // Казус: Индивидуальное и уникальное в истории. – Вып. 6. – М. : ОГИ, 2005. – 99–154.
20. Купер Дж. Энциклопедия символов / Дж. Купер. – М. : Ассоциация Духовного Единения «Золотой век», 1995. – 401 с.
21. Фрейденберг О. М. Поэтика сюжета и жанра / О. М. Фрейденберг. – М. : Лабиринт, 1997. – 448 с.
22. Бахтин М. М. Проблемы творчества Достоевского / М. М. Бахтин. – Киев : NEXT, 1994. – 508 с.

Смоленский государственный университет
Гарнова К. В., соискатель
E-mail: crisdiamond@yandex.ru

Smolensk state university
Garnova Ch. V., Researcher
E-mail: crisdiamond@yandex.ru